

Ионычева тропа — эпизод 3 из 5

Нам, которые на передней линии были, не все это тогда было видно, но что резервов не имелось, мы хорошо знали, потому пятый месяц из боев не выходили. Худое снабжение тоже всяк видел: разуты, оборвались, патронов самым малым счетом, снаряды вроде гостинца к большому празднику, а продовольствие — колючий пряник. Задолго до голодных-то дней нам стали выдавать по осьмушке фунта овсяного хлеба. Пятьдесят, значит, грамм. Вот и весь дневной рацион. Сейчас вспомнишь этот кусочек, который остями во все стороны расщерился, так не верится, что на нем месяцами держались. Ну, а у тех, у колчаковцев-то, совсем наоборот. Сыты они, обуты, одеты, оружия и патронов без отказа. Пособников иноземных у них, сам знаешь, много было. Из Англии, из Америки, из Японии им везли.

Понятно, что нам туго приходилось. Вдобавок зима выдалась ранняя, с глубокими снегами и крепкими морозами. Прямо сказать, гибель. По деревням, через которые отступать приходилось, кулаки зашевелились, зашипели, радуются: «Конец красным пришел!» Кто послабее духом, те, случалось, и отставали. Только были и такие, кто в эти трудные дни к нам приходил. Из молодых больше. Из стариков только те, у кого дети с нами были. Из-за этого и боялись оставаться.

И вот... Как сейчас это вижу... Задержались мы в одной маленькой деревеньке за Бисертским заводом. Накануне колчаковцы наседали на нас, да мы отбились. И ловко это вышло! Стреляли, видишь, из-за укрытия и урону порядком нанесли, а у самих только одного задело, да и то пустяковое ранение. Колчаковцы откатились, и нам весело стало: хоть малая, а победа. К тому же и погода помягчала. С вечера снег с ветром, а к утру ровный посыпался, и тепло стало. В сторожевом охранении куда вольготнее держаться, а посматривать надо в оба: под такой-то снеговой сеткой враг может незаметно подобраться. Проверил я посты и пришел в избу, которая у нас штабной считалась. Только пристроился отдохнуть, наказываю своему помощнику, а я тогда этими остатками роты командовал:

— Поглядывай! Того и жди — полезут. Да пулемет до поры чтоб не показывали!

Тут мне говорят:

— Товарищ командир! На линии задержали старика. Чудной какой-то. Не в себе будто. Болтает про наследство, а может, прикидывается. Пospошай его сам: не подосланный ли.

Привели старика. Усатый такой. Шапка хорошая, валенки тоже, а одежда — обдергайчик легонький, какие под шубу надевают. Пригляделся — Ионыч это. А он меня, вижу, не признал. Да и не мудрено, потому как я в ту пору сильно бородой оброс. Некогда да и нечем скосить ее было. Начинаю спрашивать, как полагается: что за человек, из какой местности, чем занимается, каким путем пришел... Ионыч рассказывает о себе, что я и сам знаю. Говорит по чести.

— Почему, — спрашиваю, — одежонка такая легонькая и как ты в ней такую дальнюю дорогу прошел?

— Шубу, — отвечает, — в той деревне оставил, с которой воюете. Пришел вечер туда, забрался в одну избушку, а там одни женщины. Стал полегоньку спрашивать, как да что. Желал узнать, далеко ли вы. Женщины мне рассказали, что весь день стрельба была в таком-то месте, а к вечеру здешние воротились. Не могли, видно, одолеть ваших. Только это разузнал, в избу вошли двое и, не говоря худого слова, поволокли к своему начальству. Тот давай меня выпрашивать, что твое же дело, кто, откуда? Я ему сказался мотовилихинским рабочим. Ходил, дескать, своих навестить, а теперь домой пробираюсь. Начальник на это и говорит: «Скоро Пермь возьмем, тогда и разберемся, а пока отведите под караул». Привели в избу, а там шестеро этаких арестованных. Как дело вовсе к ночи пошло, караульный говорит: «Выходи, кому надо, только верхнюю одежду сними. Ночью выпускать не буду». Я и вышел с другими. Без шубы, конечно. А ночь темная, снег, да его еще подвивает. В двух шагах человека не увидишь. Я и решил, — попытаю свое счастье, коли и загину, так к своим ближе. Ну и ушел. Слышал, стреляли в белый свет. Всю ночь пропутался, а утром к вам и вышел. Продрог, конечно, а как видишь, живой.

Слушаю это и думаю: на правду походит. Потом спрашиваю:

— К нам зачем тебе?

— Желаю, — отвечает, — предаться советской власти.

— Как это?

— А так, чтоб душой и телом ей служить. Что знаю, что умею, что выдумал, чтоб все ей и никому больше.

Тут я не выдержал, говорю:

— Давно пора, дядя Ионыч.

Он это воззрился на меня, признал, конечно, и говорит:

— На это и надеялся, что до своих дойду.